

A glass jar filled with honey, with a bee inside and cat eyes visible in the background. The jar is sealed with a metal lid, and honey is dripping from the edges. The background is dark, and the jar is illuminated from below, creating a warm, golden glow.

ЗАВЕТНОЕ

— ◆ —

ШАЛИМОВ ИЛЬЯ

Память слаще. И страшнее.

Илья Шалимов

Заветное

<https://litres.ru/74609818>

SelfPub; 2026

Аннотация

Устав от московской суеты и собственной незначимости, историк Николай Шульгин подписывает контракт на пять лет и уезжает учителем в глухую деревню Заветное. Он надеется найти покой и смысл, но вместо этого попадает в место, где граница между мирами истончилась до предела.

Здесь пахнет мёдом, который хранит чужую память. Здесь по ночам поют русалки, в подполе ворчит кикимора, а на опушке леса стоит леший. Здесь живёт говорящий чёрный кот Виталик — бывший учитель, убитый двести лет назад и ставший чёртом. И здесь пробуждается Тень — голодное проклятие помещика Грязнова, который когда-то продал душу за бессмертие.

Николаю предстоит узнать историю любви и предательства, принять чужую боль и простить врага. Потому что он — учитель. А учитель — это тот, кто помнит. И если он забудет — исчезнут все.

Мистический роман о памяти, прощении и мёде, который хранит больше, чем просто сладость.

Содержание

Пролог: Дорога в никуда	4
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Илья Шалимов

Заветное

Пролог: Дорога в никуда

Вы когда-нибудь чувствовали, что ваша жизнь — это черновик, который никак не становится чистовиком? Что вы плывете по течению, выполняя чужие ожидания, но при этом теряете самих себя?

Николай Андреевич Шульгин чувствовал это каждый день на протяжении последних пяти лет. Тридцать два года, кандидат исторических наук, специалист по русскому XVIII веку — и полное, гнетущее ощущение собственной незначимости. Москва, которую он так любил в юности, превратилась в гигантскую машину по перемалыванию нервов. Шумные улицы, вечный цейтнот, пробки, душная атмосфера школы, где дети смотрели в телефоны, а родители требовали «подготовить к ЕГЭ, а не вот это ваше про историю души». Он устал быть винтиком в системе. Устал от осознания, что его знания никому не нужны.

Именно поэтому, когда ему на глаза попался буклет программы «Учитель для деревни», он не раздумывал долго. Условия были жесткими: **контракт на пять лет**. Целых пять лет в глуши, без права на досрочное расторжение без

потери выплат и репутации. Пять лет, чтобы доказать самому себе, что он чего-то стоит. Пять лет, чтобы сбежать.

Квартиру в Москве он сдал на всё это время — на пять лет вперёд, словно отрезая себе пути к отступлению. Он упаковал чемодан, сложил туда самое необходимое: несколько любимых книг по истории, тёплый свитер и старую фотографию бабушки. И вот теперь он трясся в стареньком «ПАЗике» по разбитой дороге уже третий час.

Автобус был набит под завязку: бабки с клетчатыми сумками, мужики в телогрейках, от которых пахло махоркой и потом. Николай прижался лбом к холодному, мутному стеклу и смотрел, как за окном проплывают бесконечные поля, перемежающиеся тёмными пятнами лесов. Пейзаж менялся: асфальт давно сменился грунтовкой, цивилизация отступала с каждым километром. Москва осталась где-то далеко позади — вместе с шумными улицами, пробками, вечным цейтнотом и квартирой, которую он сдал на год вперёд.

«Учитель для деревни» — программа звучала благородно, почти романтично. Когда он подавал заявку, ему казалось, что это именно то, что нужно: уехать от суеты, от душной атмосферы школы. Здесь, в глубинке, он сможет по-настоящему учить. Рассказывать детям о том, что история — это не просто даты и параграфы, а живые люди, их страхи, надежды, их тёмные и светлые стороны. Он хотел, чтобы эти дети увидели в прошлом не скучный параграф, а зеркало, в котором отражается настоящее.

Николай усмехнулся своему отражению в мутном стекле. Тридцать два года, кандидат наук — и вот он едет в какую-то деревню в Орловской области, где, судя по описанию, население едва дотягивает до трёхсот человек. Он не знал, что его там ждет. Он вообще старался не думать о будущем, потому что пять лет — это огромный срок. Это почти приговор. Или, наоборот, спасение.

Автобус дёрнулся, закрипел тормозами и остановился. Водитель, грузный мужчина с прокуренными усами и усталыми глазами, обернулся:

— Приехали. Заветное. Конечная.

Николай вышел. Автобус тут же уехал, выпустив облако выхлопных газов, и оставил его одного на обочине. Тишина обрушилась на него внезапно, как ушат холодной воды. Ни гудков, ни музыки, ни людских голосов — только шелест ветра в траве и отдаленный лай собаки.

Перед ним раскинулась деревня — десятка три домов, покосившийся магазин с вывеской «Продукты», колодец с журавлём и вдалеке, на холме, белая церквушка с колокольной. Воздух был густым, влажным, пахло сыростью, прелой листвой и — странно — мёдом. Очень сильным, приторным мёдом, хотя никакой пасеки поблизости видно не было.

Николай поправил лямку рюкзака и зашагал в сторону школы — двухэтажного здания из красного кирпича, единственного во всей округе, которое выглядело хоть немного

ухаженым. Он не знал, что эти пять лет, которые он собирался здесь провести, изменят его навсегда. Он не знал, что деревня Заветное — это не просто точка на карте, а место, где граница между мирами истончилась до предела. И он не знал, что местные жители — и люди, и не только — уже ждут его.

Он сделал первый шаг по этой земле, и пчёлы, невидимые в сумерках, проводили его своим тихим, одобрительным гулом.

ГЛАВА 1: ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, ИЛИ ОСТОРОЖНО, ВАС ЖДАЛИ

Автобус уехал, оставив после себя облако выхлопных газов и звенящую, неестественную тишину. Николай Андреевич Шульгин постоял на обочине, привыкая к этой тишине. В Москве она была роскошью, здесь же — абсолютной нормой. Он поправил лямку тяжелого рюкзака, в котором лежали пять томов по истории XVIII века, и посмотрел на деревню.

Пять лет. Он подписал контракт на пять лет. Эта мысль пульсировала в висках, как набат. Пять лет без Москвы, без привычного кофе, без шума магистралей. Он сдал свою квартиру на год вперёд, но контракт был на пять. Это означало, что через год ему придётся либо возвращаться, либо искать жилье здесь. Пути назад, по сути, не было. Только вперед — в неизвестность.

Школа, двухэтажное здание из красного кирпича, стояла на отшибе, словно противопоставляя себя остальной деревне. Николай подошел к крыльцу, и в этот момент дверь открылась.

На пороге стояла женщина лет шестидесяти. Вера Павловна Семёнова, директор. У неё были пронзительные серые глаза, которые, казалось, видели собеседника насквозь, и седой пучок на затылке, стянутый слишком туго. Она не вышла навстречу, а просто стояла и смотрела, как он поднимается по ступенькам.

— Николай Андреевич? — Она протянула руку, и её ладонь оказалась на удивление крепкой, почти мужской. Рукопожатие было коротким, но сильным, словно она проверяла его на прочность. — Наконец-то. Мы вас ждали.

«Ждали» — это слово почему-то резануло слух, как фальшивая нота в знакомой мелодии. Николай списал это на провинциальную манеру выражаться, где всё преувеличивается. Но что-то в её тоне — не гостеприимное, а скорее констатирующее факт — заставило его внутренне напрячься.

— Здравствуйте. Извините, автобус... — начал он, но она перебила его легким взмахом руки.

— Ничего, ничего. — Она улыбнулась. Улыбка была широкой, но не коснулась глаз. Слишком много зубов, слишком широко. — Пойдёмте, я вам всё покажу. Вы, наверное, устали с дороги. У нас тут не Москва, но воздух... Воздух у нас целебный. Вы это почувствуете.

Она пропустила его внутрь, и Николай шагнул в школьный коридор. Внутри было на удивление тепло, даже душно. Стены были увешаны детскими рисунками — яркими, наивными, но чем-то неуловимо тревожными. На подоконниках стояли горшки с геранью, которая, казалось, росла здесь сама по себе, без всякого ухода.

И запах. Пахло мелом, старыми книгами и — снова — мёдом. Навязчивым, тяжелым, сладким до приторности. Николай огляделся, пытаясь найти источник запаха, но ничего не увидел.

— У нас небогато, — говорила Вера Павловна, ведя его по коридору. Её голос звучал ровно, без эмоций, словно она читала лекцию. — Двадцать три ученика. Все классы в одном крыле. Вы будете вести историю с пятого по девятый. Программа стандартная, но... — она сделала паузу, — ...мы здесь предпочитаем живое слово учебнику. Дети у нас особенные. Они любят слушать.

Она остановилась и посмотрела на него внимательно, так пристально, что Николаю захотелось отступить на шаг.

— А ещё... — продолжила она, — ...я слышала, вы увлекаетесь пчеловодством?

Николай удивлённо поднял бровь.

— Я? Нет, я никогда... — Он запнулся, вспоминая своё резюме. — У меня в резюме этого точно не было. Я историк. Я никогда не занимался пчелами.

Вера Павловна нахмурилась. На её лице промелькнула

тень сомнения, а затем — странная, почти детская обида.

— Правда? — Она покачала головой. — Странно. Мне казалось, в вашем деле было что-то про пасеку. Дедушка Матвей... Он ведь тоже был историком. Любителем, конечно, но... Он очень ждал вас.

— Дедушка Матвей? — переспросил Николай. — Тот, чей дом я должен занять?

— Да. — Она снова улыбнулась, но теперь в улыбке было что-то хищное. — Он умер два года назад. Но дом пустовал недолго. Мы его прибрали. И улы. Улы он очень любил.

Николай почувствовал, как по спине пробежал холодок, несмотря на духоту коридора. Слишком много странностей для первого дня. Слишком много недосказанности. Он списал это на нервы и усталость.

— Вы, наверное, перепутали, — сказал он, стараясь говорить уверенно. — Я не пчеловод. Я просто учитель.

— Возможно. — Она пожала плечами, но в её глазах промелькнуло выражение, которое он не смог расшифровать. Словно она знала что-то, чего не знал он. — В любом случае, у нас есть дом, где вы будете жить. Раньше там жил дедушка Матвей. Дом пустовал, но мы его прибрали. Идемте.

Они вышли на улицу. Деревня жила своей неторопливой жизнью, но эта жизнь казалась Николаю декорацией. Где-то лаяла собака, кукарекал петух, старуха в платке несла ведро с водой из колодца. Но когда они проходили мимо, старуха остановилась. Она не поздоровалась, не улыбнулась. Она

просто смотрела на Николая. Долго, изучающе, как смотрят на чужака, который пришел надолго.

В окнах домов мелькали лица. Дети, взрослые. Они не махали руками, не выходили знакомиться. Они просто провожали его взглядами. Николай почти расслабился, убеждая себя, что это нормально для деревни, где каждый новый человек — событие. Но червячок сомнения уже поселился в его душе. Пять лет. Он проведет здесь пять лет.

Дом пасечника стоял на краю деревни, у самого леса. Это была старая изба с резными наличниками, покосившимся крыльцом и огромным, явно заброшенным садом, который зарос так, что превратился в непроходимые джунгли. Рядом — пасека: десяток ульев, выкрашенных в синий и жёлтый цвет.

Ульи выглядели на удивление ухоженными. Свежая краска, ровные крышки, никакой паутины. Рядом с ними не было ни души, но создавалось впечатление, что кто-то только что здесь был. Или что-то.

— Ульи кто-то содержит? — спросил Николай, кивнув на пасеку. — Они выглядят слишком... живыми.

Вера Павловна остановилась. Она посмотрела на ульи, и на её лице появилось странное, почти благоговейное выражение.

— Да, — коротко ответила она. — Пчёлы сами себя содержат. Дедушка Матвей говорил, что они тут особенные. Они не требуют ухода. Они просто... есть. И помнят.

— Помнят? — переспросил Николай. — Что помнят?

— Всё. — Она резко повернулась к нему и протянула ключи. Металл был холодным, почти ледяным. — Вот ваши ключи. Располагайтесь. Уроки начинаются послезавтра. Отдохните с дороги. И... — она замялась, — ...не ходите ночью к лесу. У нас тут волки.

Она развернулась и пошла прочь, не оглядываясь. Её фигура быстро растворилась в сумерках, которые в деревне наступают мгновенно, словно кто-то выключает свет.

Николай остался один. Он стоял посреди чужого двора, сжимая в руке ледяные ключи, и смотрел на лес, который начинался сразу за пасекой. Лес был темным, густым, и оттуда тянуло сыростью и тем самым приторным запахом мёда.

Он подошел к ульям. Пчёлы не гудели, хотя было тепло. Они молчали. Все десять ульев молчали, и от этого молчания у Николая зазвенело в ушах.

Он открыл дверь дома. Внутри было чисто, но воздух был спертым, тяжелым. Пахло воском, старой древесиной и мёдом. На стенах висели фотографии — старик с длинной бородой, улыбающийся на фоне ульев. Николай подошел ближе. Старик смотрел на него с фотографии, и его глаза казались живыми.

«Пять лет», — подумал Николай.

Он бросил рюкзак на пол, сел на скрипнувший стул и закрыл лицо руками. Он чувствовал, что эта деревня не отпустит его просто так. Он еще не знал, что эти пять лет станут

не сроком наказания, а временем пророчества. И что он приехал сюда не учить детей истории, а стать частью истории, которая никогда не заканчивалась.

ГЛАВА 2: ХОЗЯИН ДОМА

Первое, что он сделал, — медленно, заставляя себя дышать ровно, обошёл дом. Это было не просто любопытство. Это была отчаянная попытка вернуть контроль над ситуацией, заглушить нарастающее чувство тревоги. Историк привык изучать источники, и сейчас единственным доступным ему источником был этот дом. Он ходил из угла в угол, касаясь рукой стен, проводя пальцами по пыльным поверхностям, словно пытаясь нащупать невидимые трещины в реальности.

Внутри было чисто, почти стерильно, но эта чистота казалась неестественной, словно кто-то наводил порядок в спешке, стараясь скрыть следы прошлого. Мебель стояла ровно, половицы не скрипели, но воздух... Воздух был густым, вязким, как сироп. Запах мёда был настолько сильным, что кружилась голова. Он не просто пах — он давил на виски, проникал в лёгкие, оседал на языке сладковатым привкусом, от которого хотелось прополоскать рот. Николаю пришлось открыть форточку, чтобы глотнуть свежего воздуха, но и там, снаружи, пахло тем же самым — цветущими травами, воском и ульями. Запах был везде. Он был частью этого места.

На стенах висели фотографии. Николай подошёл ближе,

вглядываясь в выцветшие снимки, стараясь найти в них хоть что-то обыденное. Вот старик с длинной, почти что сказочной бородой, улыбающийся на фоне ульев. Дедушка Матвей. Его лицо было добрым, морщинистым, но глаза... глаза смотрели с фотографии слишком внимательно, словно старик всё ещё наблюдал за своим домом, за своим гостем. Рядом висели снимки людей в старинных одеждах — камзолы, кринолины, лица, размытые временем и выцветшей бумагой. Они стояли на фоне той самой усадьбы, которую Николай видел только в архивах. А ниже — странные рисунки. Детские, неумелые, но с какими-то неправильными пропорциями. У нарисованных человечков были слишком длинные руки, слишком большие глаза и тени, которые тянулись за ними, словно живые. Тени отделялись от ног и ползли по бумаге.

Николай unpacked, разложил вещи. Каждое движение давалось с трудом, словно воздух сопротивлялся его вторжению. Он приготовил себе чай на старой печи, чиркнув спичкой. Огонь вспыхнул неохотно, но всё же занялся, наполнив комнату тихим потрескиванием и запахом дыма. За окном начало темнеть — в деревне сумерки наступают быстро, словно кто-то выключает свет. Небо из серого стало чернильным за считанные минуты, и тьма за окном казалась плотной, осязаемой.

Он сидел за столом, листая блокнот с планами уроков, пытаясь вернуться в привычную колею. «Реформы Петра I.

Эпоха дворцовых переворотов». Слова расплывались перед глазами. Он думал о пяти годах, которые ему предстояло здесь провести. Пять лет в этом доме, с этими фотографиями, с этим запахом, с этими тенями на детских рисунках. Он пытался убедить себя, что это просто провинциальная экзотика, что он привыкнет. Но внутренний голос шептал обратное.

И тут он услышал это.

Мяуканье.

Обычное, вроде бы, кошачье мяуканье. Но было в нём что-то... неправильное. Слишком низкое, слишком осознанное. Оно не просило еды и не требовало ласки. Оно звучало как вопрос, заданный на незнакомом языке, но понятный на уровне инстинктов, древних, как сам страх.

Николай обернулся.

На подоконнике сидел кот. Чёрный, как смоль, без единого светлого пятна, с ярко-жёлтыми глазами, которые светились в полумраке комнаты, как два маленьких фонаря. Он сидел неподвижно, и его хвост медленно, гипнотически покачивался из стороны в сторону. Он смотрел на Николая не как животное — как человек, который оценивает. Взвешивает. Решает, стоит ли тратить время на этого пришельца.

— Кис-кис, — неуверенно позвал Николай, чувствуя себя глупо. — Ты как сюда попал?

Кот не двинулся. Вместо этого он открыл рот и сказал: — Ну, здорово, учитель.

Голос был низким, с легкой хрипотцой, как у старого курильщика, и в нём слышалась насмешка.

Николай замер. Время словно остановилось. Он слышал, как в печи трещит полено, как где-то далеко лает собака. Потом медленно, очень медленно, он отставил чашку с чаем. Рука дрогнула, и на стол упала капля. В голове пронеслась мысль: «Это сон. Я сплю в автобусе. Или у меня тепловой удар».

— Что? — выдавил он из себя.

— Что слышал. — Кот спрыгнул с подоконника и, вспрыгнув на стол, уселся напротив, прямо на его блокнот с планами уроков, смяв страницу. — Я Виталик. Можно просто Вит. И да, я говорю. И да, я кот. Ну, почти.

— Почти? — Николай чувствовал, как его академический мозг пытается найти рациональное объяснение. Галлюцинация? Отравление угарным газом от печи? Нервное истощение после переезда? Шизофрения?

— Я чёрт, — спокойно сказал кот, словно сообщал прогноз погоды. — В смысле, настоящий чёрт. Просто принимаю облик кота, потому что так удобнее. Меньше вопросов. Люди видят чёрную кошку — и сразу думают: «А, бродячая». Никто не думает: «О, нечистая сила пришла». Это гениально, если подумать.

Николай почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он хотел засмеяться, решить, что это шутка, что он переутомился с дороги, что... Но кот смотрел на него слишком ра-

зумно. Слишком по-человечески. И этот запах мёда... Он не выветривался. Он становился сильнее.

— Ты... — начал он, но кот его перебил.

— Да, да. — Виталик лениво потянулся, выпустив когти и глубоко вонзив их в деревянную столешницу. — Я живу здесь. В этом доме. Точнее, жил. До тебя. Дедушка Матвей был мой... скажем так, сосед. Мы с ним ладили. Он был умный мужик, хоть и не верил в меня до последнего. А потом он умер, и я остался один. Скучно, знаешь ли. Двести лет смотреть, как люди приходят и уходят. Ни тебе поговорить, ни тебе пошутить. Только пчёлы гудят.

— Чёрт. В смысле, ты — чёрт, — повторил Николай, пытаясь уложить это в голове. — Но чёрт — это же... зло. Искушитель. Ты должен предлагать мне сделки. Пугать.

— Именно. — Виталик прищурился, и в его жёлтых глазах мелькнула насмешка. — А ты, я так понимаю, не веришь? В зло, в чёрта, во всё это? Думаешь, это сказки для детишек?

— Я историк, — сказал Николай, сам удивляясь, почему он вообще отвечает. — Я верю в факты. В источники. В документы. А не в... говорящих котов. Это абсурд.

— О, факты! — Кот рассмеялся. Звук был странный, будто кто-то скрёб когтями по стеклу. — Факты, дорогой мой, штука скользкая. Особенно здесь. В Заветном. Ты думаешь, что знаешь историю? Ты думаешь, что XVIII век — это даты и указы? Нет. История — это то, что происходит с людьми,

когда они сталкиваются с чем-то, что не могут объяснить. А здесь, поверь мне, объяснений нет. Только память. И мёд.

— Почему «Заветное»? — спросил Николай, цепляясь за единственный знакомый ему якорь — топонимику.

— Потому что здесь всё не так, как кажется. — Виталик подошёл ближе, и его глаза оказались прямо напротив глаз Николая. — Ты думаешь, ты приехал учить детей истории? Ты приехал учиться. И первое, что ты должен понять: здесь, в этой деревне, живут не только люди. Здесь живут те, кто помнит. Те, кто ждёт. И те, кто голоден.

Николай молчал. В голове было пусто и одновременно слишком шумно. Он смотрел на чёрного кота, сидящего на его блокноте, и понимал, что его пятилетний контракт только что превратился в нечто гораздо более серьёзное, чем просто работа в глуши. Пять лет. Пять лет с этим.

— Хочешь знать, кто ещё? — спросил Виталик, склонив голову набок.

— Нет, — твердо сказал Николай, хотя внутри всё кричало от любопытства.

— Правильный ответ — да. — Кот прыгнул на пол и направился к двери, грациозно обходя половицы. — Пойдём. Сегодня новолуние. Самое время. Луны нет, значит, они не прячутся. Увидишь всё своими глазами. И тогда, может быть, ты перестанешь цепляться за свои «факты».

Он остановился у порога и обернулся. В его жёлтых глазах не было злобы. Была усталость. И одиночество.

— Пойдём, учитель. Не бойся. Я не дам тебя в обиду. Пока ты мне интересен.

Николай посмотрел на дверь. За ней была крошечная тьма. Он посмотрел на свои дрожащие руки. Он посмотрел на фотографию дедушки Матвея, который, казалось, едва заметно кивнул ему.

Он встал, накинул куртку и шагнул в ночь. Пять лет. Первая ночь.

ГЛАВА 3: НОЧНЫЕ ЖИТЕЛИ

Виталик вёл его через деревню. Ночь была безлунной, но звёзды горели так ярко, что казалось, будто небо — это огромный витраж, собранный из осколков льда и света. Деревня спала, но не так, как спят обычные деревни. В окнах не было света, но чувствовалось — там, за ставнями, кто-то есть. Кто-то смотрит. Николай физически ощущал эти взгляды на затылке, спине, руках. Он пытался убедить себя, что это просто игра воображения, что темнота всегда кажется живой. Но историк в нем, привыкший анализировать источники, понимал: это не воображение. Это — присутствие.

— Не оглядывайся, — прошептал Виталик, скользя рядом с ним по траве. — Они не любят, когда на них смотрят. Пока ты идёшь — ты гость. Как только остановишься и посмотришь — ты уже добыча.

— Кто «они»? — так же шепотом спросил Николай, чувствуя, как холодный пот стекает по спине.

— Все. — Кот не стал уточнять. — Просто иди. И не думай о них. Они чувствуют мысли. Если ты будешь думать о них — они придут.

Николай попытался думать о чем-то другом. О Москве. О своей квартире, которую он сдал на год вперёд. О пяти годах, которые ему предстояло здесь провести. Но мысли упрямо возвращались к теням за окнами, к шепоту, который слышался отовсюду и ниоткуда.

Они подошли к пруду на краю деревни. Вода была черной, как смола, и не отражала звезд. Сначала Николай ничего не увидел — только темную гладь и камыши. Но потом...

На берегу сидели женщины. Их было трое. Они расчёсывали длинные волосы — зелёные, как тина, — и пели. Песня была без слов, но от неё хотелось плакать. В ней слышалась тоска по чему-то утраченному, по дому, которого больше нет, по жизни, которая была отнята. Николай почувствовал, как на глаза наворачиваются слезы, и сам не понял почему. Он не хотел плакать. Он не был сентиментальным человеком. Но эта песня проникала в самую глубину души, в те уголки, которые он старательно закрывал много лет.

— Русалки, — сказал Виталик. — Не те, что в сказках. Настоящие. Они приходят сюда каждое новолуние. Раньше их было больше, но... время не щадит никого.

— Они опасны?

— Если подойдёшь — да. Они затянут тебя в воду, и ты станешь одним из них. Но они не злые. Просто... одинокие.

Николай сглотнул. Русалки продолжали петь. Одна из них повернула голову и посмотрела прямо на него. У неё были глаза без зрачков — белые, как у рыбы. И в этих глазах не было ни ненависти, ни злобы. Только бесконечная, ледяная печаль.

В этот момент из воды, тяжело ступая, выбралось нечто. Огромное, покрытое тиной и ракушками, с длинными, перепончатыми лапами и глазами, горящими тусклым зеленым огнем. Водяной. Он был похож на обрюзгшего старика с лицом, покрытым бородавками, но в его движениях чувствовалась сила, способная переломить хребет быку.

— Не смотри ему в глаза, — прошипел Виталик, дергая Николая за рукав. — Это Хозяин Воды. Он не любит чужаков. Он вообще никого не любит, кроме своей тины. Если он решит, что ты пришел за его русалками — он утащит тебя на дно, и никто не найдет.

Водяной остановился, тяжело дыша, и уставился на Николая. От него пахло гнилью, рыбой и болотом. Он что-то пробурчал себе под нос — низко, утробно, — и, потеряв интерес, снова погрузился в черную воду, оставив после себя лишь круги на поверхности.

— Пойдём, — Виталик потянул его за рукав. — Нас не должны видеть.

Они прошли дальше, мимо старого амбара, который стоял на отшибе. Дверь амбара была приоткрыта, и оттуда тянуло запахом гнилого зерна и мышей. Николай заметил, что в

темноте внутри что-то шевелится — что-то маленькое, мохнатое, с горящими красными глазами.

— Овинник, — прошептал Виталик. — Дух амбара. Он не опасен, если не трогать зерно. Но он любит пугать. Если увидишь его — не кричи. Он этого ждет.

Николай кивнул, стараясь не смотреть в сторону амбара. Но краем глаза он все же уловил движение — тень метнулась в глубине и исчезла.

Они прошли дальше, к лесу. Чем ближе они подходили, тем сильнее сгущался воздух. Лес стоял стеной — темный, молчаливый, древний. На опушке стоял старик. Он был высокий, с длинной бородой из мха и глазами, как кора дуба. Он не двигался — просто стоял и смотрел в небо, словно читал там что-то, доступное только ему.

— Леший, — прошептал Виталик. — Его зовут Дрема. Он охраняет лес. Если ты войдёшь туда без его разрешения... ну, ты понял. Лес заберет тебя. Не физически. Он заберет твою память. Ты просто уйдешь вглубь и будешь ходить там вечно, пока не забудешь, кто ты и откуда пришел.

— А он... разговаривает?

— Иногда. Но чаще молчит. Дрема вообще не любит людей. Считает, что мы — ну, в смысле, они — всё испортили. — Виталик вздохнул. — Он прав, если честно. Люди приходят, рубят лес, строят дома, а потом умирают, оставляя после себя только мусор и пустые глазницы окон. А лес остается. И помнит.

Николай посмотрел на Дрему. Леший не двигался, но Николай чувствовал, что тот знает о его присутствии. Более того — он ждет. Ждет, что Николай сделает. Скажет что-то. Или уйдет.

— Не задерживайся, — прошептал Виталик. — Он не любит, когда на него смотрят. Пойдём.

Они обошли лес стороной. Виталик вел его дальше, мимо старой, покосившейся бани, которая стояла на краю Чёрного оврага. От бани тянуло сыростью и чем-то затхлым. Николай заметил, что дверь бани приоткрыта, и в темноте внутри что-то шевелится — что-то большое, грузное, с длинными руками.

— Не смотри туда, — быстро сказал Виталик. — Это Банник. Дух бани. Он древний, как сам овраг. Он не злой, но он... голодный. Он питается страхом. Если ты испугаешься рядом с ним — он заберет твой страх и высосет тебя досуха. А если не испугаешься — он обидится и найдет на тебя кошмары.

— Какой-то он ненадежный, — пробормотал Николай.

— Все здесь ненадежные, учитель. — Кот усмехнулся. — Мы все живем по своим правилам. И ты должен их выучить. Иначе — конец.

Они пошли дальше. Николай уже почти привык к темноте, к шепоту, к теням. Но когда они проходили мимо старого кладбища, которое находилось за деревней, он снова замер. На кладбище что-то двигалось. Маленькие, сгорбленные фи-

гурки сновали между могилами, что-то бормотали, перебирали землю.

— Это Полудницы, — тихо сказал Виталик. — Они приходят в полдень, но иногда остаются и на ночь. Они не злые. Они просто... грустные. Они ищут своих детей. Тех, кого потеряли много лет назад. Они не помнят, что их дети давно умерли. Они ищут вечно.

Николай почувствовал, как сжалось горло. Он представил этих женщин, которые каждую ночь приходят на кладбище и ищут могилы своих детей, не помня, что те давно превратились в прах. Это было хуже, чем злоба. Это было бесконечное, безнадежное горе.

— Пойдём, — Виталик потянул его за рукав. — Не надо на них смотреть. Они чувствуют жалость. А жалость их злит.

Они вернулись к дому. Николай уже почти расслабился, когда увидел, что на крыльце сидело что-то маленькое, сгорбленное, покрытое шерстью. Оно что-то бормотало себе под нос и перебирало сухие листья. Кикимора. Она была похожа на сморщенную старушку с длинными, костлявыми пальцами, но в её движениях было что-то детское, почти жалкое.

— Кикимора, — сказал Виталик. — Живёт в подполе. Не бойся, она безобидная. Просто ворчит. Она любит порядок, но терпеть не может, когда что-то меняется. Ты для неё — нарушитель спокойствия.

— Я не боюсь, — соврал Николай.

— Конечно, не боишься. — Виталик ухмыльнулся. — Ты просто пока не понял, во что вляпался.

Они вошли в дом. Николай закрыл за собой дверь и прислонился к ней спиной, тяжело дыша. Он хотел спросить Виталика о пятилетнем контракте, о том, как он сможет здесь выжить, но не успел.

В углу комнаты, у печи, сидел старик. Маленький, сгорбленный, с длинной седой бородой и глазами, полными печали. Он был одет в старую, поношенную рубаху, и от него пахло дымом и травами. Он не двигался, просто сидел и смотрел на Николая.

— Кто это? — прошептал Николай.

Виталик замер.

— Это Домовой, — тихо сказал кот. — Хозяин дома. Он жил здесь задолго до Матвея. И до меня. Он не любит чужаков. Но он не уйдет. Потому что это его дом. И теперь твой.

Домовой посмотрел на Николая, и в его взгляде не было ни злобы, ни приветливости. Только усталость. Многовековая, бесконечная усталость.

— Пять лет, — сказал Домовой. Голос у него был скрипучий, как несмазанная дверь. — Ты подписал контракт на пять лет. Я слышал. Что ж, учитель. Добро пожаловать в Заветное. Постарайся не умереть в первый год.

Николай сглотнул.

— Я не собираюсь умирать.

— Все так говорят, — Домовой отвернулся и стал смот-

реть в печь. — А потом их хоронят. Или не хоронят. Потому что хоронить здесь некого.

Виталик прыгнул на стол и сел, обернув хвостом лапы.

— Не слушай его. Он всегда такой. Ворчливый. Но он при-
смотрит за тобой. Если ты будешь уважать дом.

Николай медленно подошел к столу и сел. Он чувствовал, как дрожат руки. Он посмотрел на Виталика, на Домового, на дверь, за которой осталась ночь, полная русалок, леших и водяных.

— Что мне делать? — спросил он.

— Учиться, — сказал Виталик. — И учить. Потому что это только начало.

— Начало чего?

— Того, что приходит, когда забывают, — ответил кот.
— И того, что мы, потусторонние, держим взаперти. Но не
вечно.

Николай посмотрел на Домового, который сидел, сгорбившись, у печи, и понял, что этот старик — часть его нового дома. Часть его новой жизни. И что пятилетний контракт, который казался ему приговором, теперь стал единственной ниточкой, связывающей его с миром живых.

Он остался здесь. На пять лет. И эти пять лет обещали быть долгими.

Николай встал и подошел к печи. Он взял кочергу и помешал угли, чтобы огонь разгорелся ярче. Домовой наблюдал за ним, не двигаясь. Николай чувствовал его взгляд на своей

спине — тяжелый, изучающий.

— Я буду уважать дом, — сказал Николай, не оборачиваясь. — Я не буду ломать вещи. Не буду шуметь по ночам. Буду топить печь. И... — он запнулся, — ...я не буду забывать о тебе.

Домовой молчал. Потом, спустя долгую минуту, он едва заметно кивнул.

— Посмотрим, — сказал он. — Посмотрим, учитель. Может, ты и не такой, как остальные. Может, ты задержишься. Виталик улыбнулся — по-кошачьи, но все же улыбнулся. — Видишь? — сказал он. — Он уже смягчился. Это хороший знак.

Николай сел на лавку и посмотрел на огонь. Пять лет. Он проведет здесь пять лет. Он не знал, что его ждет. Он не знал, сможет ли он вернуться в Москву. Он не знал, останется ли он жив.

Но он знал одно: он больше не один. У него был кот-чёрт, ворчливый домовой и целая деревня духов, которые наблюдали за ним. И это было одновременно и утешением, и угрозой.

— Что дальше? — спросил он.

— Дальше, — сказал Виталик, — ты будешь учиться. Учиться слушать. Учиться видеть. Учиться помнить. Потому что здесь, в Заветном, память — это единственное, что имеет значение. И если ты забудешь — тебя забудут.

Николай кивнул. Он посмотрел на огонь, на Домового, на

Виталика, и понял, что его жизнь в Москве — это прошлое. Настоящее — здесь. В этом доме. С этими существами. И будущее — туманно.

Он закрыл глаза и стал слушать. Песня русалок все еще звучала где-то вдалеке — тихая, печальная, бесконечная.

ГЛАВА 4: ИСТОРИЯ ВИТАЛИКА

Они сидели на кухне. За окном выл ветер, бросая в стекло горсти сухих листьев, и казалось, что кто-то невидимый скребется снаружи, просясь внутрь. Огонь в печи давно прогорел, оставив лишь багровые угли, которые тлели, отдавая последнее тепло. Николай заварил чай, но не пил — просто держал чашку в руках, чтобы чувствовать тепло. Это было единственное тепло в этом доме, который, казалось, пропитался холодом веков. Виталик устроился на столе, поджав лапы, и его желтые глаза светились в полумраке, как два маленьких, немигающих солнца. Он не двигался, и только кончик хвоста едва заметно подрагивал, выдавая внутреннее напряжение.

Николай смотрел на него и чувствовал, как в душе поднимается странная смесь страха и жалости. Он привык анализировать, раскладывать факты по полочкам, искать причинно-следственные связи. Но здесь, в этой кухне, среди запаха воска и старого дерева, логика отказывала. Он больше не был историком, изучающим прошлое. Он был участником настоящего, которое пугало его до дрожи в коленях.

— Расскажи о себе, — попросил он. Голос его звучал хрипло, он сам удивился, насколько устал. — Кто ты? Откуда?

Кот долго молчал. Молчание затягивалось, становилось густым, осязаемым. Николай слышал, как где-то в подполе скребется кикимора, как потрескивают остывающие угли. Он уже подумал, что Виталик не ответит, что он просто растворится в темноте, оставив его одного с вопросами.

— Я был учителем, — наконец заговорил Виталик. Голос его был тихим, без привычной насмешки, словно он с трудом подбирал слова. — Как ты. Восемнадцатый век, правление Екатерины. Я приехал сюда, в Заветное, учить детей помещика Грязнова. Тогда здесь была усадьба, не деревня. Красивая, богатая... — Он усмехнулся, но в этой усмешке не было радости. — Я был молод, умён, полон идей. Думал, что смогу изменить мир. Наивный.

Николай подался вперед. Впервые за все время он услышал в голосе кота что-то человеческое, что-то, что резонировало с его собственной душой. Он сам был таким же. Приехал сюда, в эту глушь, с надеждой изменить хоть что-то, доказать свою нужность.

— Что случилось? — спросил он, уже боясь услышать ответ.

— Я умер. — Виталик посмотрел на него. Взгляд был тяжелым, как камень. — В одну из ночей. Просто... умер. Лег спать и не проснулся. Но вместо того чтобы уйти, я остался.

Здесь, в этом доме. И стал тем, кто я есть.

— Почему? — Николай не отводил глаз.

— Никто не знает. Может, потому что я не хотел уходить. Может, потому что это место... оно не отпускает. — Он помолчал, и в тишине было слышно, как за окном воет ветер. — Сначала я злился. Проказничал: пугал людей, воровал вещи, сбивал с толку. Мне казалось, что если я буду достаточно громким, достаточно злым, то смогу заглушить собственную боль. Но потом понял, что это бессмысленно. Люди уходят, а я остаюсь. Вечно. Я видел, как умирали те, кто меня ненавидел, и те, кто меня любил. Я видел, как рождались дети, как они вырастали, как старились и уходили. А я все здесь. Каждую ночь. Каждое утро. Двести лет.

Николай почувствовал, как по спине пробежал холодок. Двести лет. Это число не укладывалось в голове. Он представил себе этого молодого учителя, полного надежд, который умер в этом доме и остался здесь навсегда. Он представил себе, как тот смотрит на смену времен, на разрушение усадьбы, на то, как деревня меняется, а он остается неизменным. Он представил себе, каково это — быть запертым в теле кота, видеть мир, но не иметь возможности его коснуться.

— Ты не можешь уйти? — спросил Николай, хотя уже знал ответ.

— Не могу. — Виталик вздохнул, и этот вздох был полон такой тоски, что у Николая защемило сердце. — Я привязан к этому дому. К этой земле. Я — часть Заветного. Как ру-

салки, как Дрема, как кикимора. Мы все здесь, потому что... потому что мы не нужны больше нигде. Мы — память, которая не может умереть. Мы — эхо, которое не может затихнуть. Мы — те, кто остался. Мы — те, кого забыли.

Николай поставил чашку. Он вдруг почувствовал, что чай в ней давно остыл, и это было символично. Он сам чувствовал себя остывшим, опустошенным, словно он тоже был здесь двести лет. Он думал о своей жизни в Москве, о своей квартире, о своих неудачах. Он думал о том, что тоже бежал от одиночества, но нашел его здесь, в еще более страшной форме.

— А я? Почему я здесь? — спросил он, и в его голосе прозвучала неподдельная боль.

— Ты — другое. — Кот прищурился, и в его глазах снова вспыхнул тот самый огонь, который Николай заметил при первой встрече. — Ты живой. Ты можешь выбирать. И ты нужен.

— Кому? — Николай горько усмехнулся. — Этой деревне? Эти детям? Тебе?

— Деревне. Детям. Мне. — Виталик улыбнулся, и в этой улыбке была не насмешка, а странная, горькая нежность. — Ты будешь учить их не только по учебнику. Ты будешь рассказывать им правду. Ту, которую они не найдут в книгах.

— Какую правду? — спросил Николай, чувствуя, как внутри него что-то меняется. Что-то важное, что-то, что он давно потерял.

— Нашу, — просто сказал Виталик. — Историю тех, кто остался. Ты будешь говорить им о том, что мир не черно-белый. Что в нем есть место не только для людей, но и для тех, кого люди забыли. Ты будешь учить их помнить. Потому что память — это единственное, что нас держит. Если нас забудут — мы исчезнем. Навсегда.

Николай посмотрел на Виталика. Он увидел не просто кота. Он увидел человека, который был заперт в теле животного, который страдал от одиночества и отчаяния. Он увидел учителя, который не смог уйти, потому что не выполнил свою миссию. И он понял, что его собственный пятилетний контракт — это не просто работа. Это вызов. Это испытание. Это шанс доказать, что он не просто историк, а человек, способный изменить судьбы. Он понял, что его собственная жизнь, его собственные страхи — ничто по сравнению с той болью, которую испытывает это существо.

— Я не знаю, смогу ли я, — честно признался Николай. — Я не знаю, хватит ли у меня сил. Я всю жизнь бежал от ответственности. Я бежал от себя. Как я могу помочь тебе?

— Сможешь. — Виталик спрыгнул со стола и подошел к нему, потершись о его ногу. Это было неожиданно теплое, живое прикосновение. — Ты уже здесь. Ты уже слушаешь. Ты уже помнишь. Этого достаточно. Остальному я тебя научу.

Николай посмотрел на огонь. Он думал о Москве, о своей квартире, о жизни, которую оставил. Он думал о пяти годах,

которые ему предстояло здесь провести. Он думал о том, что его ждет. Он не знал, что будет дальше. Но он знал одно: он больше не один. У него был Виталик. У него был дом. У него была цель. И это было важнее, чем все его страхи.

— Хорошо, — сказал он. — Я остаюсь. На пять лет. И я буду учить их правде.

Виталик улыбнулся. По-кошачьи. Но в этой улыбке было что-то человеческое. Что-то, что говорило: «Ты справишься». Он снова запрыгнул на стол и сел, обернув хвостом лапы. Теперь он выглядел не как чёрт, а как обычный кот, который нашел своего человека.

— Пять лет, — повторил он. — Это долго. Но у нас есть время. Целая вечность впереди.

Николай кивнул. Он взял чашку, сделал глоток холодного чая и поморщился. Но это было не важно. Важно было то, что он больше не чувствовал себя чужим в этом доме. Он чувствовал себя частью чего-то большего. Частью истории, которая началась двести лет назад и продолжалась сейчас. И он был готов ее рассказать.

ГЛАВА 5: УРОКИ

Первая неделя прошла как в тумане. Николай жил на автopilоте, механически выполняя привычные действия: просыпался до рассвета, растапливал печь, пил чай, шел в школу. Он старался не думать о том, что произошло в первую ночь, о русалках, о Дреме, о говорящем коте. Он убеждал

себя, что это был сон, вызванный переутомлением и долгой дорогой. Но каждый раз, когда он входил в класс и чувствовал на себе взгляды двадцати трех пар глаз, он понимал: это не сон. Это реальность.

Дети — их было двадцать три, от десяти до шестнадцати лет — смотрели на него с любопытством, но в глазах некоторых было что-то странное. Что-то, что заставляло Николая чувствовать себя неуютно. Это было не просто детское любопытство. Это было понимание. Словно они знали больше, чем говорили. Словно они видели его насквозь. Они улыбались, но в этих улыбках не было той наивной радости, которую он привык видеть у городских школьников. В них была тихая, почти взрослая мудрость. Мудрость, которая пугала.

Он пытался вести уроки по стандартной программе. «Реформы Петра I», «Эпоха дворцовых переворотов», «Внешняя политика Екатерины II». Он говорил, а сам чувствовал, как слова повисают в воздухе, не находя отклика. Дети слушали, кивали, записывали в тетради. Но в их глазах было что-то, что говорило: «Это не то. Это не главное». Они ждали чего-то другого. Они ждали правды.

На переменах он стоял у окна и смотрел на пасеку. Ульи стояли ровными рядами, выкрашенные в синий и желтый, и над ними кружили пчелы. Он думал о Виталике, о его словах, о том, что он «нужен». Он думал о пяти годах, которые ему предстояло здесь провести. Он думал о том, что его жизнь в Москве — с ее суетой, с ее пустотой, с ее вечным

бегством от самого себя — кажется теперь далекой и нереальной, как сон.

На третий день он решился. Он не мог больше притворяться, что все нормально. Он не мог читать им сухие параграфы о реформах Петра I, когда в воздухе витал запах мёда, а за окном виднелась пасека. Он понял, что должен быть честным. Хотя бы перед ними.

— Сегодня мы поговорим о XVIII веке, — начал он, стоя у доски. Мел в его руке слегка дрожал. — Но не так, как в учебнике. Я расскажу вам историю, которую вы не найдёте в книгах.

Дети замерли. Даже те, кто обычно сидел в телефоне, подняли головы. Тишина в классе стала абсолютной, звенящей. Николай чувствовал, как от этого внимания у него пересыхает во рту. Он сглотнул и продолжил.

— Жил в этой деревне учитель. Молодой, умный, он приехал сюда из города, чтобы учить детей помещика. Звали его Виталий.

Он рассказал им всё. О том, как Виталий приехал в усадьбу, полный надежд. О том, как он полюбил эти места, как привязался к детям. О том, как он умер — тихо, во сне, в этом самом доме. О том, как он стал чёртом, как остался здесь, чтобы охранять деревню. Он говорил о его одиночестве, о его боли, о его вечной тоске. Он говорил не как учитель, а как человек, который сам пережил эту боль. Он вложил в свой рассказ всю свою душу, всю свою растерянность,

весь свой страх. Он говорил о том, как страшно быть забытым, как страшно остаться одному в целом мире, как страшно потерять смысл.

Дети слушали, не перебивая. Их лица были серьезными, сосредоточенными. Они не переглядывались, не шептались. Они просто слушали, и в их глазах Николай видел не удивление, а понимание. Словно они знали эту историю наизусть. Словно они ждали, когда он, наконец, произнесет ее вслух.

А когда он закончил, маленькая девочка с косичками — Настя, ученица пятого класса, — подняла руку. Она смотрела на него спокойно, без тени смущения.

— Мы знаем.

Николай замер. Мел в его руке хрустнул и сломался пополам.

— Что? — переспросил он, хотя уже понял ответ.

— Мы знаем про Виталика, — сказала она, и ее голос звучал так буднично, словно она говорила о домашнем задании. — Он иногда приходит к нам. Помогает с уроками. Правда, мы никому не говорим.

Николай посмотрел на класс. Двадцать три пары глаз смотрели на него спокойно, без страха. Более того, в них была легкая снисходительность. Они смотрели на него как на младшего, как на того, кто только что узнал то, что они знали всегда.

— И вы... не боитесь? — спросил он, чувствуя, как земля уходит из-под ног. — Вы не боитесь, что он... чёрт?

— А чего бояться? — удивился мальчик на задней парте. Он сидел, развалившись, и жевал яблоко. Его звали Егор, и он был самым старшим в классе. — Он же наш. Он добрый. Он никогда никого не обижал. Он нам сказки рассказывает. И про войну, и про мир, и про то, что было раньше. Он знает всё.

— Он знает про нас всё, — добавила девочка с первой парты. Ее звали Катя, и она была самой тихой в классе, но сейчас ее голос звучал уверенно. — Он знает, кто что боится, кто что любит. Он помогает. Он не чёрт. Он... он как душа. Только кот.

Николай вспомнил слова Виталика: «Ты нужен». Тогда он не понял. Теперь начал понимать. Он смотрел на этих детей — на их спокойные лица, на их уверенные взгляды — и чувствовал, как его собственная картина мира рушится. Он привык быть тем, кто знает. Тем, кто учит. Но здесь, в этой деревне, он был не учителем. Он был учеником. И эти дети, эти двадцать три пары глаз, были его наставниками.

Он сел за стол и закрыл лицо руками. В классе стояла тишина. Потом он услышал, как скрипнула дверь. Он поднял голову. В дверном проеме, на фоне коридорного света, сидел черный кот. Виталик. Он смотрел на Николая, и в его желтых глазах было что-то, что Николай не мог расшифровать. Гордость? Тепло? Или просто насмешка?

— Ну что, учитель, — сказал Виталик, и его голос прозвучал в тишине класса так же естественно, как звонок с урока.

— Теперь ты понял?

Николай не ответил. Он просто смотрел на кота, на детей, на этот странный, пугающий, но такой родной мир, который открывался перед ним. Он больше не чувствовал себя чужим. Он чувствовал себя частью чего-то большего. Частью истории, которая началась двести лет назад и продолжалась сейчас.

— Понял, — сказал он. — Кажется, понял.

Виталик улыбнулся — по-кошачьи, но все же улыбнулся. Он вошел в класс и запрыгнул на подоконник, усевшись рядом с горшком герани.

— Тогда продолжай, — сказал он. — Они ждут.

Николай встал, подошел к доске, взял новый мел и написал тему урока. «XVIII век: Люди и тени». Он повернулся к классу. Двадцать три пары глаз смотрели на него с ожиданием. И в этом ожидании не было страха. Было любопытство. Было уважение. Была надежда.

— Тогда продолжим, — сказал Николай. — Сегодня мы поговорим о том, как история может быть живой. О том, как прошлое не умирает. О том, как важно помнить.

Он начал урок. Он рассказывал им о том, как в XVIII веке люди верили в духов, в домовых, в русалок. О том, как эти верования переплетались с реальной жизнью. О том, как помещики и крестьяне, дворяне и слуги — все они жили в мире, где граница между реальным и сверхъестественным была тонкой, почти прозрачной. Он рассказывал им не сухие фак-

ты, а живые истории. Истории о страхе, о надежде, о любви. Истории, которые они могли понять, потому что сами жили в этом мире.

Дети слушали, затаив дыхание. Они задавали вопросы. Они спорили. Они смеялись. Они делились своими собственными историями — о том, как видели русалок на пруду, как слышали песни лешего в лесу, как находили на пасеке странные, светящиеся соты. Николай слушал их и понимал, что эти дети знают гораздо больше, чем он. Они выросли в этом мире. Они были его частью. А он только начинал его познавать.

После урока, когда дети ушли, Николай остался в классе. Он сидел за столом и смотрел на доску, на свои записи, на пустые парты. Виталик сидел на подоконнике и наблюдал за ним.

— Ты справился, — сказал кот.

— Не знаю, — честно ответил Николай. — Я чувствую себя... самозванцем. Они знают больше меня.

— Они знают то, что знают, — сказал Виталик. — А ты знаешь то, что знаешь ты. Ты — учитель. Ты умеешь рассказывать. Ты умеешь слушать. Это важно. Важнее, чем ты думаешь.

Николай посмотрел на него.

— Почему они не боятся тебя?

— Потому что я не пугаю их. — Виталик прыгнул с подоконника и подошел к нему. — Я не чудовище. Я — часть их

мира. Я — память. Я — тот, кто был здесь до них. Они это чувствуют. Дети всегда чувствуют правду. Они знают, что я не желаю им зла.

— А я? — спросил Николай. — Я часть этого мира?

— Ты — другое. — Кот посмотрел на него серьезно. — Ты — учитель. Ты — тот, кто может рассказать правду. Ты — тот, кто может помнить. Ты нужен. Не только мне. Не только детям. Всему Заветному.

Николай молчал. Он смотрел на доску, на свои записи, на тему урока. «XVIII век: Люди и тени». Он думал о том, что история — это не просто даты и события. Это живые люди. Это их страхи, их надежды, их боль. Это тени, которые остаются после них. И он, Николай, был тем, кто должен был рассказать об этих тенях. Рассказать так, чтобы их помнили. Рассказать так, чтобы они не исчезли.

— Я остаюсь, — сказал он тихо. — На пять лет. И я буду учить их правде.

Виталик улыбнулся.

— Хорошо. Потому что у нас еще много работы.

Николай встал, собрал свои вещи и вышел из класса. На улице светило солнце. Пчелы гудели на пасеке. Где-то лаяла собака. Жизнь продолжалась. И он был частью этой жизни. Частью Заветного. Частью истории.

ГЛАВА 6: ПЧЁЛЫ

Прошла неделя. Николай привык к ритму деревни, к ти-

шине, к тому, что сумерки здесь наступают мгновенно, словно кто-то выключает свет. Он привык к детям, которые смотрели на него с тихим пониманием, к Виталику, который появлялся на подоконнике, словно обычный кот, и к Домовому, который по ночам ворочался у печи. Но пасека оставалась для него загадкой. Он проходил мимо неё каждый день, чувствуя на себе гул пчёл, и этот гул был не просто звуком — он был зовом. Пчёлы словно знали о его присутствии, и их танец в воздухе казался ему ритуальным, древним, как сама земля.

Через неделю он решился. Ульи стояли ровными рядами, выкрашенные в синий и жёлтый, и выглядели на удивление ухоженными. Николай купил в райцентре несколько книг по пчеловодству, привёз их дом, разложил на столе и начал вести записи. Он старался быть методичным: изучал породы пчёл, сроки медосбора, устройство улья. Он составил таблицы, нарисовал схемы, исписал несколько страниц блокнота. Но чем больше он читал, тем яснее понимал, что здешние пчёлы не вписываются ни в одну из известных ему схем. Они не роились, не болели, не требовали привычного ухода. Они просто были. И они гудели так, словно о чём-то шептались. Словно обсуждали его.

Виталик появился, когда Николай сидел на крыльце с очередной книгой. Кот запрыгнул на перила, уселся, обернув хвостом лапы, и некоторое время молча наблюдал за ним. Его жёлтые глаза были полуприкрыты, но Николай чувство-

вал, что тот следит за каждым его движением.

— Ты изучаешь их, — сказал он наконец. — Это хорошо. Но книги тебе не помогут.

— Почему? — Николай отложил книгу. — Это стандартные справочники. Всё логично.

— Логично, — согласился Виталик. — Для обычных пчёл. Но эти — не обычные. Дедушка Матвей знал. Они... как бы это сказать... они хранители. Они собирают не только нектар, но и память. Каждый мёд — это история.

Николай посмотрел на улы. Ветер качнул траву, и пчёлы на мгновение замерли, словно прислушиваясь.

— Как это? — спросил он.

— Попробуй. — Виталик кивнул на дом. — В кладовке, за печью, стоят банки. Дедушка Матвей оставил. Одну можно открыть.

Николай встал. Внутри дома было сумрачно, пахло воском и старым деревом. Он нашёл кладовку, отодвинул занавеску и увидел полки, уставленные банками. Мёд в них был разного цвета: золотистый, янтарный, тёмно-коричневый. Но одна банка стояла особняком — в самом углу, покрытая слоем пыли. Стекло было тёмным, почти чёрным, и мёд внутри казался сгустком ночи.

Николай взял её, вернулся на кухню, поставил на стол. Виталик прыгнул следом и уселся напротив, не сводя с него жёлтых глаз.

— Ты уверен? — спросил Николай. Голос его дрогнул.

— Ты — учитель, — ответил кот. — Ты должен знать правду. Но помни: не всё, что хранится в мёде, стоит знать. Некоторые истории... они могут сломать.

Николай открыл крышку. Запах ударил в нос — тяжёлый, сладкий, с горьковатой ноткой. Он взял ложку, зачерпнул тёмную, почти чёрную массу. Мёд был густым, как смола. Он поднёс ложку ко рту и попробовал.

И мир поплыл.

Сначала исчезла кухня. Стены растворились, звуки стихли. Николай почувствовал, как проваливается куда-то — в глубину, в прошлое. Перед ним развернулась деревня — другая, старая. Не та, что он видел каждый день, а та, что стояла здесь двести лет назад. Усадьба с колоннами, липовая аллея, пруд с чистой водой. Люди в старинных одеждах — камзолы, платья, фраки — ходили по двору, разговаривали, смеялись. Воздух был прозрачным, летним, полным стрекота кузнечиков и запаха скошенной травы. Николай чувствовал тепло солнца на коже, слышал голоса, которые давно умолкли. Это было не видение. Это было воспоминание. Чужое, но такое реальное, что он забыл, кто он и где он.

А потом он увидел его. Молодой учитель с книгой в руках шёл по аллее. Виталий. Живой. Улыбающийся. Он что-то говорил детям, которые бежали рядом, и его голос звучал легко, беззаботно. Николай узнал этот голос — тот же, что и у кота, но без хрипотцы, без вековой усталости. Виталий был молод, полон надежд, и в его глазах горел тот самый огонь,

который Николай иногда замечал в жёлтых глазах чёрта. Он смотрел на этого человека и чувствовал странную смесь радости и тоски. Этот Виталий ещё не знал, что его ждёт. Он не знал, что через несколько лет он умрёт в этом доме и останется здесь навсегда.

Потом картина изменилась. Ночь. Тот же дом, но внутри — темно. Виталий лежит на кровати, укрытый одеялом. Он спит. Его лицо спокойно. А потом... он просто перестаёт дышать. Грудь не поднимается. Глаза закрыты. И в этот момент что-то отделяется от тела — лёгкое, прозрачное, похожее на дымку. Это дух. Он поднимается вверх, к потолку, и остаётся там. Он не уходит. Он смотрит на своё тело, на комнату, на мир, который больше не принадлежит ему. И в его взгляде — не страх, а растерянность. И бесконечное, ледяное одиночество. Николай хотел закричать, но не мог. Он чувствовал, как это одиночество проникает в него, заполняет каждую клетку. Он чувствовал, каково это — быть здесь, но не иметь возможности уйти. Видеть, как время течёт сквозь пальцы, как меняются люди, как рушится усадьба, а ты остаёшься. Всегда.

Видение закончилось так же внезапно, как и началось. Николай обнаружил себя сидящим за столом, сжимающим ложку. Мёд на ней всё ещё блестел, но теперь он казался ему не сладким, а горьким. Руки дрожали. По щекам текли слёзы, и он не сразу понял, что плачет. Он попытался встать, но ноги не слушались. Он сидел и смотрел в пустоту, пытаясь осо-

знать то, что только что пережил.

— Что это было? — прошептал он, когда смог говорить.

— Память, — сказал Виталик. — Мёд хранит её. Каждый улей — это как... архив. Ты можешь узнать всё, что здесь происходило. Всё, что происходило с нами. С русалками, с Дремой, с кикиморой. С теми, кто жил здесь до тебя.

Николай посмотрел на банку. Тёмное стекло, потёртая крышка. Внутри — целая жизнь. Целая смерть. Целая вечность.

— Это... это невероятно, — выдохнул он.

— Это опасно, — поправил Виталик, и его голос стал жёстче. — Не всё, что хранится в мёде, стоит знать. Некоторые истории... они могут сломать. Ты видел смерть Виталия. Но есть вещи страшнее. Есть память о том, что было до него. О том, что живёт в Чёрном овраге. О том, что ждёт в лесу. Если ты попробуешь не ту банку — ты можешь не вернуться.

Николай молчал. Он смотрел на свои руки, на ложку, на банку. Он думал о том, что только что пережил. Он чувствовал чужую боль, чужое одиночество. И он понимал, что это не просто видение. Это был опыт. Реальный, как его собственные воспоминания. Он стал частью истории Виталия. И теперь эта история была и его тоже.

— Но я должен, — сказал он тихо. — Я должен знать. Я — учитель. Я не могу учить детей, не понимая, что здесь происходит. Я не могу закрывать глаза на правду. Я не могу притворяться, что всё нормально, когда здесь... — он об-

вёл рукой комнату, — ...здесь живут духи. Здесь мёд хранит память. Здесь мой предшественник стал чёртом. Как я могу учить их истории, если я не знаю историю этого места?

Виталик долго смотрел на него. В его жёлтых глазах не было насмешки. Была только усталая, древняя мудрость.

— Должен, — согласился он. — Потому что ты — учитель. А учитель должен знать правду. Даже если она горькая. Даже если она может сломать. Ты нужен здесь, Николай. Не только мне. Не только детям. Всему Заветному. Ты — тот, кто помнит. Ты — тот, кто расскажет.

Николай встал. Он подошёл к окну и посмотрел на пасеку. Пчёлы всё ещё гудели, кружили над ульями. Теперь он смотрел на них другими глазами. Он видел не просто насекомых. Он видел хранителей. Он видел живую память, которая течёт в каждом улье, в каждой капле мёда. И он понимал, что теперь он тоже стал частью этой памяти. Он попробовал мёд — и мёд изменил его.

Он вернулся к столу, сел, взял блокнот и начал записывать. «Мёд хранит память. Пчёлы — хранители. Каждый улей — архив. Опасность: не всё можно знать. Но учитель должен знать правду». Он писал и чувствовал, как что-то внутри него меняется. Страх никуда не ушёл. Но теперь рядом с ним было что-то ещё. Решимость. И благодарность. К дедушке Матвею, который оставил эти банки. К Виталику, который открыл ему глаза. И к пчёлам, которые хранили память Заветного, пока не пришёл тот, кто сможет её прочи-

тать.

Он отложил ручку и посмотрел на Виталика. Кот всё ещё сидел на столе, наблюдая за ним.

— Сколько здесь банок? — спросил Николай.

— Много, — ответил Виталик. — Дедушка Матвей собирал их всю жизнь. Он знал, что придёт тот, кто сможет их прочитать. Он ждал тебя.

— Меня? — удивился Николай. — Но я не знал его. Я никогда здесь не был.

— Ты — учитель, — просто сказал Виталик. — Как он. Как я. Мы все — звенья одной цепи. Ты пришёл, потому что должен был прийти. И теперь ты должен узнать всё.

Николай кивнул. Он встал, подошёл к кладовке и открыл дверцу. Полки были уставлены банками. Десятки, может, сотни. Каждая — история. Каждая — чья-то жизнь, чья-то смерть, чья-то боль. Он смотрел на них и понимал, что это его наследие. Его бремя. Его долг.

— Я буду изучать их, — сказал он, не оборачиваясь. — Все. Рано или поздно. Я должен знать.

— Хорошо, — сказал Виталик. — Но не торопись. Некоторые двери лучше открывать медленно. Иначе можно потерять себя. Помни: ты — не просто читатель. Ты — хранитель. Ты — тот, кто расскажет. И ты должен остаться собой, чтобы суметь это сделать.

Николай закрыл дверцу кладовки. Он вернулся на кухню, сел за стол. За окном темнело. Пчёлы## затихали, готовясь

ко сну. Он посмотрел на банку с тёмным мёдом, которую так и не убрал. В её глубине, казалось, мелькнула тень — молодая, улыбающаяся, с книгой в руках. Виталий. Живой. Счастливый. Таким он и остался в памяти. Таким его и запомнит Николай.

Он взял ложку, облизал её — остатки мёда были горькими, но он не поморщился. Он принял эту горечь. Как принял и всё остальное. Он посмотрел на Виталика, на Домового, который сидел у печи, на тени за окном. Он больше не чувствовал себя чужим. Он был частью этого мира. Частью Заветного. И он был готов узнать его тайны. Все до одной.

— Завтра, — сказал он. — Завтра я начну.

Виталик улыбнулся — по-кошачьи, но всё же улыбнулся.

— Хорошо, — сказал он. — Я помогу тебе. Мы вместе прочтём их. Все. И ты расскажешь детям. Ты расскажешь миру. Ты не дашь нам исчезнуть.

Николай кивнул. Он встал, потушил лампу и пошёл спать. Но перед сном он ещё раз выглянул в окно. Пчёлы спали. Ульи стояли молча. А где-то вдалеке, в темноте, кто-то пел — тихо, печально, бесконечно. Русалки. Они тоже ждали. Ждали, когда он расскажет их историю. Он закрыл глаза и позволил себе погрузиться в сон. Завтра будет новый день. Новый урок. Новая история. И он был готов её услышать.

ГЛАВА 7: РЕШЕНИЕ

В конце первой недели Николай сидел на крыльце и смот-

рел на закат. Небо было цвета остывающего мёда — золотистое, тягучее, с багровыми прожилками, которые медленно темнели, превращаясь в фиолетовые тени. Пчёлы уже вернулись в ульи, и в воздухе стояла та особенная, звенящая тишина, которая бывает только на закате, когда день отдаёт последнее тепло, а ночь ещё не вступила в свои права. Николай держал в руках остывшую чашку чая, но не пил. Он просто смотрел, как день умирает, и думал.

Он думал о Москве. О своей квартире на пятом этаже, с видом на шумный проспект, где никогда не стихает гул машин. О книжных полках, которые он собирал годами — тома по истории, философии, искусству, каждая книга была выбрана с любовью, с надеждой, что однажды он найдёт время их прочитать. О кофейне на углу, где он каждое утро покупал двойной эспрессо и где бариста знал его имя, но не знал ничего о его жизни. О работе, которую ненавидел, но которая давала ему чувство стабильности, чувство принадлежности к чему-то большому, пусть и бессмысленному. О жизни, которую он оставил. О жизни, которая, если честно, была не жизнью, а существованием. Он бежал от неё. Бежал так далеко, как мог. И вот теперь сидел на крыльце старого дома в деревне Заветное, в двухстах километрах от Москвы, и спрашивал себя: а не ошибся ли он? Не сбежал ли он от одной пустоты в другую, ещё более страшную?

Он мог вернуться. Прямо сейчас. Встать, собрать вещи, дойти до автобусной остановки — он помнил, где она, —

и уехать. Первый автобус будет утром. Он мог сказать Вере Павловне, что не справился, что деревня — не для него, что он ошибся. Мог забыть всё это как страшный сон. Вернуться в свою квартиру, к своим книгам, к своей пустой, но привычной жизни. Расторгнуть контракт, потерять деньги, но сохранить рассудок. Он представил, как это будет. Автобус, трясущийся по разбитой дороге. Москва, встречающая его шумом и суетой. Квартира, холодная и пустая, потому что он сдал её на год вперёд. Ему придётся ютиться у друзей, искать работу, объяснять, почему он уехал и почему вернулся. Он представил лица коллег, их снисходительные улыбки, их вопросы. «Ну что, не выдержал? А мы говорили. Городскому в деревне не место». Он представил, как снова садится за стол в душном классе, где дети смотрят в телефоны, а родители требуют «подготовить к ЕГЭ, а не вот это ваше про историю души». Он представил свою жизнь — серую, механическую, бессмысленную. И понял, что не хочет этого. Не хочет возвращаться в пустоту. Не хочет снова бежать. Бегство стало его привычкой, его зависимостью, его проклятием. Он бежал из родного города, когда умерла мама. Бежал от отца, который так и не простил ему этого. Бежал от женщин, которые хотели от него больше, чем он мог дать. Бежал от себя. И вот теперь он сидел здесь, на краю мира, и понимал: если он снова убежит, то будет бежать всю жизнь. До самого конца. До самой смерти. И умрёт уставшим, пустым, забытым.

Но...

Он вспомнил лица детей. Их глаза, в которых было что-то, чего он не видел у городских школьников. Интерес. Настоящий, живой интерес. Они смотрели на него не как на функцию, не как на человека, который должен натаскать их на экзамен. Они смотрели на него как на того, кто может рассказать им что-то важное. Что-то, что они не найдут в учебниках. Что-то, что они уже знали, но ждали, когда кто-то произнесёт это вслух. Они ждали от него правды. И он чувствовал, что должен её рассказать. Не потому что так положено. Потому что это важно. Потому что они — эти дети, выросшие среди духов и теней, — заслуживали знать свою историю. Они заслуживали того, чтобы кто-то объяснил им, почему в их деревне пахнет мёдом, почему русалки поют по ночам, почему старики говорят с тенями. Они заслуживали того, чтобы их не считали сумасшедшими. Они заслуживали того, чтобы их мир был признан реальным. И он, Николай, был единственным, кто мог им это дать. Единственным, кто мог сказать: «Я вижу то же, что и вы. И я не боюсь. И вы не должны бояться».

Он вспомнил Настю, девочку с косичками, которая сказала: «Мы знаем про Виталика». Он вспомнил Егора, мальчика с задней парты, который жевал яблоко и спокойно говорил о чёрте, как о соседе. Он вспомнил Катю, тихую девочку с первой парты, которая сказала: «Он как дедушка. Только кот». Эти дети не были испорчены городом. Они не были испорчены системой. Они были чистыми, открытыми, живы-

ми. И они нуждались в нём. Не как в учителе истории. Как в человеке, который подтвердит: то, что они видят, — реально. То, что они чувствуют, — правда. То, что они знают, — важно. Он нужен им. И это было важнее, чем всё остальное. Важнее, чем его страхи. Важнее, чем его сомнения. Важнее, чем его собственная жизнь.

Он вспомнил русалок, поющих у пруда. Их голоса, полные тоски, их белые глаза без зрачков, их бесконечное одиночество. Они пели о чём-то утраченном, о доме, которого больше нет, о жизни, которая была отнята. Они пели, потому что не могли говорить. Они пели, потому что никто их не слушал. Они пели, потому что были забыты. Он вспомнил Лешего, стоящего на опушке, его глаза, как кора дуба, его молчаливую враждебность и древнюю мудрость. Он не любил людей. Но он был здесь. Он охранял лес. Он ждал. Вспомнил кикимору, ворчащую в подполе, её костлявые пальцы, перебирающие сухие листья. Она была безобидной. Она просто хотела, чтобы её оставили в покое. Она хотела, чтобы её помнили. Вспомнил Домового, сидящего у печи, его усталый взгляд, его скрипучий голос. Он жил здесь дольше всех. Он видел всё. Он помнил всё. И он тоже ждал. Всех тех, кто был здесь до него. Кто остался. Кто ждал. Кто нуждался в том, чтобы их помнили. Он был им нужен. Не как учитель. Как свидетель. Как тот, кто расскажет их историю. Как тот, кто не даст им исчезнуть.

И он вспомнил Виталика. Кота с жёлтыми глазами, в кото-

рых отражалась вся боль мира. Учителя, который умер двести лет назад, но не ушёл. Который остался, потому что не выполнил свою миссию. Который ждал его, Николая, потому что знал: однажды придёт тот, кто сможет продолжить его дело. Тот, кто расскажет правду. Тот, кто не даст им исчезнуть. Виталик был одинок двести лет. Он видел, как умирают те, кого он знал. Он видел, как рушится усадьба. Он видел, как деревня меняется, а он остаётся. Он был привязан к этому месту, как дерево к земле. Он не мог уйти. Но он мог ждать. И он ждал. Ждал его. Николая. И теперь, когда он пришёл, Виталик не отпустит его просто так. Не потому что он злой. Потому что он боится снова остаться один. Потому что он верит, что Николай — тот, кто сможет помочь. Тот, кто сможет освободить его. Тот, кто сможет рассказать его историю.

Николай посмотрел на чашку в своих руках. Чай давно остыл. Как и его решимость уехать. Он думал о том, что его жизнь в Москве была не жизнью, а существованием. Что он бежал от себя, но нашёл себя здесь. В этой странной, пугающей, но такой настоящей деревне. Он думал о пяти годах. О пяти годах, которые ему предстояло здесь провести. О пяти годах, которые могли стать проклятием или спасением. Он думал о том, что если он уедет сейчас, то предаст не только детей, не только Виталика, не только духов. Он предаст самого себя. Свою последнюю возможность стать кем-то. Свою последнюю возможность найти смысл. Свою последнюю воз-

возможность перестать бежать.

— Ты думаешь о том, чтобы уехать, — сказал Виталик, появляясь рядом. Кот бесшумно вспрыгнул на перила и уселся, обернув хвостом лапы. Его жёлтые глаза светились в сгущающихся сумерках, как два маленьких, немигающих солнца. Он не спрашивал. Он знал.

— Думаю, — честно ответил Николай. Он не стал отрицать. Не было смысла. Виталик читал его, как открытую книгу. Может, потому что был чёртом. Может, потому что был учителем. Может, потому что был одинок и научился понимать людей без слов.

— И? — Кот не отводил взгляда. В его голосе не было насмешки. Только тихое, почти незаметное напряжение. Он ждал ответа. Он боялся ответа.

Николай молчал. Он смотрел на лес, который темнел на горизонте, на улы, которые стояли молча, на небо, которое погасло. Он думал о пяти годах. О пяти годах, которые ему предстояло здесь провести. О пяти годах, которые могли стать проклятием или спасением. Он думал о том, что его жизнь в Москве была не жизнью, а существованием. Что он бежал от себя, но нашёл себя здесь. В этой странной, пугающей, но такой настоящей деревне. Он думал о том, что если он уедет сейчас, то предаст не только детей, не только Виталика, не только духов. Он предаст самого себя. Свою последнюю возможность стать кем-то. Свою последнюю возможность найти смысл. Свою последнюю возможность пере-

стать бежать.

— Я остаюсь, — сказал он. Голос его звучал тихо, но твёрдо. Так, словно он сам удивился своему решению. Словно он не планировал его, но оно пришло само. Словно это было единственное правильное, что он мог сделать.

Виталик улыбнулся — по-кошачьи, но всё же улыбнулся. В этой улыбке была не насмешка, а облегчение. Словно он ждал этого ответа. Словно он боялся, что Николай уедет. Словно он молился — если чёрт может молиться — чтобы этот человек остался. И его молитва была услышана.

— Хорошо, — сказал кот. — Потому что у нас много работы.

— Какой? — Николай повернулся к нему. — Я думал, я просто буду учить детей. Рассказывать им историю. Ты сказал, что я нужен. Но что именно я должен делать? Я не герой. Я не воин. Я не спаситель. Я просто историк. Я знаю даты, события, факты. Я не знаю, как бороться с тенями. Я не знаю, как защищать деревню. Я не знаю, как...

— Ты знаешь больше, чем думаешь, — перебил его Виталик. — Ты знаешь, как помнить. Ты знаешь, как рассказывать. Ты знаешь, как слушать. Это оружие. Может, самое сильное оружие в этом мире. Потому что тот, кто помнит, — непобедим. Тот, кто рассказывает, — бессмертен. Тот, кто слушает, — мудр. Ты — учитель. Ты — тот, кто хранит память. Ты — тот, кто передаёт её дальше. Это твоя сила. И это то, что нам нужно.

Виталик посмотрел на него серьёзно. Его жёлтые глаза сузились, и в них мелькнула тень, которую Николай не видел раньше. Тень страха. Настоящего, древнего, ледяного страха.

— Ты ещё не понял? — Кот понизил голос, хотя рядом никого не было. — Заветное — это не просто деревня. Это место, где граница между мирами тонка. Здесь живут не только люди. И не все из них добрые. Ты видел русалок. Ты видел Дрему. Ты видел кикимору. Ты видел Домового. Они не злые. Они просто... есть. Они часть этого места. Как деревья. Как пчёлы. Как мёд. Но есть другие. Те, кто приходит из леса. Те, кто живёт в глубинах. Те, кто ждёт. Те, кто не хочет просто быть. Те, кто хочет забрать. Те, кто хочет поглотить.

— Кто они? — Николай почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он уже знал, что ответ ему не понравится. Но он должен был знать. Он должен был понять, во что ввязался.

— Они разные, — сказал Виталик. — Но всех их объединяет одно. Они — забытые. Те, кого люди вытеснили из своей памяти. Те, кого боялись настолько, что предпочли забыть. Те, кто был здесь до людей. Те, кто был здесь до всего. Они не злые в том смысле, в каком ты понимаешь зло. Они — голодные. Они — пустые. Они — те, кто хочет вернуть то, что у них отняли. И они чувствуют, когда приходит учитель. Потому что учитель — это тот, кто может их остановить. Тот, кто может их назвать. Тот, кто может их вспомнить.

— И что будет, если они проснутся? — спросил Николай.

— Что будет, если они придут?

— Ты должен узнать о них, — сказал Виталик, не отвечая прямо. — И дети должны узнать. Потому что однажды... однажды им придётся столкнуться с этим. Не завтра. Не через год. Но однажды. И когда это случится, они должны быть готовы. Они должны знать, с чем имеют дело. Они должны знать, как бороться. И ты — тот, кто их научит. Ты — тот, кто подготовит их. Ты — тот, кто расскажет им правду.

— С чем? — настойчиво повторил Николай. — С чем они столкнутся? Что это? Что за Тень?

— С тем, что приходит, когда забывают, — ответил Виталик. — С тем, что мы, потусторонние, держим взаперти. Но не вечно. Ничто не вечно. Ты видел, как мёд хранит память. Ты видел, как пчёлы собирают её. Но мёд не только хранит. Мёд также... привлекает. Он сладкий. А всё сладкое привлекает голодных. И если пчёлы ослабнут... если память иссякнет... если люди забудут... тогда придут те, кто ждал. Те, кто голоден. Те, кто хочет забрать.

— Что это? — прошептал Николай. — Кто это?

Виталик встал. Он подошёл к краю крыльца и уставился в темноту. Лес был чёрным, непроницаемым. Где-то там, в глубине, что-то шевелилось. Что-то большое. Что-то древнее. Что-то, что не было ни русалкой, ни лешим, ни кикиморой. Что-то, что было здесь до них. Что-то, что было здесь всегда. Что-то, что ждало.

— Тень, — сказал Виталик. — Тень, которая помнит всё. И которая голодна. Она была здесь до меня. До деда Матвея. До Грязнова. До всех. Она спала. Но теперь... — он помолчал, и в его голосе прозвучала дрожь, — ...теперь она просыпается.

Николай посмотрел на лес. Ветер стих. Пчёлы замолчали. Даже сверчки, казалось, перестали стрекотать. Тишина стала абсолютной, звенящей, как натянутая струна. И в этой тишине Николай слышал что-то. Далеко. Глухо. Словно кто-то вздохнул. Словно кто-то проснулся. Словно что-то древнее, что спало веками, открыло глаза. И эти глаза смотрели на него.

— Почему она просыпается? — спросил Николай. — Почему сейчас?

— Потому что ты приехал, — сказал Виталик. — Потому что она почувствовала. Учитель. Тот, кто помнит. Тот, кто рассказывает. Тот, кто может её остановить. Она боится тебя. И она хочет тебя уничтожить. Пока ты не стал слишком сильным. Пока ты не узнал слишком много. Пока ты не рассказал детям правду.

— Что это значит? — спросил Николай. — Что за Тень? Что она хочет?

— Это долгая история, — сказал Виталик. — И я расскажу тебе её. Всё расскажу. Но не сегодня. Сегодня ты должен отдохнуть. Завтра будет новый день. Новый урок. И новая битва. Ты должен быть готов. Ты должен быть сильным. По-

тому что то, что ждёт впереди, — это не просто экзамен. Это война. Война за память. Война за нас. Война за тебя.

— Битва? — Николай нахмурился. — С кем?

— С забвением, — ответил кот. — С тем, что убивает нас медленно, но верно. С тем, что делает нас теньями. С тем, что хочет стереть нас из памяти мира. Ты — учитель. Ты — тот, кто помнит. Ты — наша надежда. Не подведи нас.

Николай молчал. Он смотрел на лес, на небо, на улы. Он думал о том, что его пятилетний контракт превратился в нечто большее. В миссию. В долг. В судьбу. Он думал о том, что его жизнь в Москве была не жизнью, а существованием. Что он бежал от себя, но нашёл себя здесь. В этой странной, пугающей, но такой настоящей деревне. Он думал о том, что если он уедет сейчас, то предаст не только детей, не только Виталика, не только духов. Он предаст самого себя. Свою последнюю возможность стать кем-то. Свою последнюю возможность найти смысл. Свою последнюю возможность перестать бежать.

— Я не подведу, — сказал он. — Обещаю.

Виталик посмотрел на него. В его жёлтых глазах мелькнула искра — не насмешка, не гордость, а что-то другое. Благодарность. И надежда. И страх. И одиночество. Всё сразу. Двести лет одиночества, двести лет ожидания, двести лет надежды — всё это было в одном взгляде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.